

**СМЕШНЫЕ
ДЕТЕКТИВЫ**

ЧИТАЙТЕ

смешные детективы

НАТАЛЬИ АЛЕКСАНДРОВОЙ:

Любовь нечаянно пристанет	Неправда о любви
Я не твоя, мой господин!	Вас снимает скрытая камера!
Через тернии в загс	Лямур, тужур и абажур
Когда муж идет налево	Дама разбитого сердца
Камешки чистой воды	Служанка двух господ
Весь мир за ваш счет	Теща Франкенштейна
До встречи в облаках!	Утром деньги, вечером пуля
Фантазии офисной мышки	Алмазная принцесса
Шалаш в Эдеме	Шикарный блеф
Досье на Пенелопу	Правнучка ведьмы
Мальтийская головоломка	Дурдом с призраками
Клиент Пуаро	Мечты сбываются
Откройте принцу дверь!	Влюбленным вход воспрещен!
Маркиз-потрошитель	Серенада для шефа
Леди Титаник	Все против свекрови
Кодекс поведения блондинки	Полюблю до гроба
Калоши невезения	Игра с неверным мужем
Черная тень в белом плаще	Любовь мексиканского сыщика
Африканская страсть	Белые ночи с Херувимом
До последней звезды	Проделки небожительницы
Карамельные неприятности	Призрак фокусника
Укрощение свекрови	Рассмешить Бога
Миллион черных роз	Небо в шоколаде
Муж, который живет на крыше	До свадьбы заживет
Приятных кошмаров	Тайное сокровище олигарха
Поцелуй на пожарной лестнице	Альковная тайна содержанки
Потусторонним вход воспрещен!	Не элите джинна из бутылки
Верный паж госпожи	Отмычка от разбитого сердца
Сон в брачную ночь	Гарем без проблем
Клуб шальных бабок	Джакузи для Офелии
Фаберже дороже денег	Финита ля трагедия
Чемоданчик Пандоры	Русалку за хвост не удержать

Наталья Александрова

Чемоданчик Пандоры

ЭКСМО
Москва
2014

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А 46

Оформление серии *Д. Сазонова*

Александрова, Наталья Николаевна.
А 46 Чემоданчик Пандоры : роман / Наталья Александрова. — Москва : Эксмо, 2014. — 320 с. — (Смешные детективы).

ISBN 978-5-699-74894-5

Любимый муж Сан Саныч очень просил Надежду Лебедеву не лезть ни в какие авантюры, а спокойно сидеть дома и гладить супругу рубашки. Но не тут-то было! Криминальная фортуна снова на стороне Надежды. Согласилась же она на свою голову помочь незнакомцу из маршрутки. Всего-то и надо было отвезти чемоданчик вишневого цвета его знакомой Кате на соседнюю улицу. Но Лебедева чуть-чуть не успела, Катю убили. А вернуть чемодан подозрительному попутчику по фамилии Кулик теперь невозможно: он попал в больницу, и никого к нему не пускают. Надежда оказалась один на один с таинственным чемоданчиком. Неизвестно, какие тайны он хранит под крышкой вишневого цвета...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Александрова Н.Н., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-74894-5

Маршрутное такси остановилось возле автобусной остановки, чтобы высадить пассажира. Пока солидная дама спускалась по ступенькам, подобрав полы длинной шубы, с разных сторон подскочили к машине трое — маленький мужичок потертого вида и молодая пара.

— Мест нет! — закричал водитель. — Одного только могу взять!

Малорослый мужичок с сумкой через плечо обрадованно полез в салон.

— Куда прешь? — заорал парень и оттолкнул мужичка. — Женщину вперед пропусти!

— Вас же все равно двое! — запротестовал мужчина. — А место одно.

— Мы ждать не можем, нам в больницу надо! — заявил парень. — Сказано — отвали!

Ответное замечание его собеседника насчет того, что в больнице этим двоим нужно лечить голову, потонуло в шуме работающего мотора. В салоне маршрутки парень огляделся и пристроил девушку на свободное место. Она откинула капюшон куртки, и стало видно, что она совсем молоденькая, только вы-

глядит очень плохо — под глазами синяки, тусклые волосы растрепаны...

Машина двигалась рывками, парня качнуло, и он едва не сел на колени тетке в синей шляпе с кокетливым бантиком.

— Осторожнее! — недовольно сказала она. — Подождать, что ли, не могли. Теперь будете всем мешать...

— Нам ждать некогда, жену рожать везу! — громогласно заявил парень.

— Опа! — удивился коренастый дядька с переднего сиденья. — Что ж ты, паря, на маршрутке-то? Такси не мог взять?

Девчонка расстегнула куртку, и стал виден большой живот. По виску ее стекала капля пота.

— У меня на такси денег нету! — огрызнулся парень.

— Тогда рожать не надо! — тут же отозвалась другая тетка, в желтом вязаном берете. — Видано ли дело, самим жить не на что, а они еще ребенка сделали!

— Не твое дело! — ответил будущий папаша. — Сами со своими детьми разберемся!

Тут поднялся форменный гвалт. Тетка в берете кричала, что все они такие, сами родят, дурацкое, мол, дело нехитрое, а потом родителям подsunут и гуляют в свое удовольствие. Чувствовалось, что у нее наболело. Дама в синей шляпе во всем с ней соглашалась. Дядька с переднего сиденья гудел что-то неодобрительное, остальные пассажиры коммен-

тировали события каждый по-своему. Только двое не принимали участия в общей перепалке. Будущая мама сидела, напряженно прислушиваясь к тому, что происходит у нее внутри, вид у нее был очень испуганный. Вторым молчащим человеком была Надежда Николаевна Лебедева. В глубине души она была согласна с теткой в желтом берете, что если денег нету, то самое умное — это подождать с ребенком. Но вслух заявлять о своем мнении не спешила — и так вон какой гвалт кругом стоит.

Девчонка вдруг взвизгнула, перекрывая общий гул, и схватилась за живот.

— Больно! — крикнула она. — Витя, больно!

— Чем тебе Витя-то поможет? — рассердилась тетка в желтом берете. — Родит за тебя, что ли?

— Ой, мамочки! — Витя испугался больше жены. — Чего делать-то?

Девчонка вдруг завопила и в полном ужасе уставилась себе под ноги.

— Да у нее же воды отошли! — выдохнула синяя шляпа. — Сейчас родит!

— Граждане! — заорал водитель. — Что у вас там происходит?

— Рожает у тебя пассажирка, вот чего! — рывкнул мужик с переднего сиденья. — Шчас принимать будем!

— Едрен батон! — заорал водитель. — Вы что ж это делаете в салоне, так вас всех?

— Езжай в роддом скорее! — сказал мужик. — Может, успеем!

Какая-то девица внезапно истерически закричала, что ей нужно выйти вон на том перекрестке. Водитель огрызнулся, что нужно заранее предупреждать, чтобы он перестроился в левый ряд. Беременная снова крикнула, лицо ее перекосилось, как будто что-то разрывало ее изнутри.

— Потуги начались! — авторитетно высказалась синяя шляпа. — Теперь уже недолго!

— Да что же это такое! — плачущим голосом воскликнул водитель. — За что мне это наказание? Ведь всю машину изгадит!

— Да о чем вы говорите? — не выдержала Надежда. — Тут о ребенке думать нужно! Ведь роды некому принять, не дай бог что случится!

Будущий папаша, услышав Надежду, взвыл от ужаса.

— Все! — грянул мужик с переднего сиденья. — Всем заткнуться и слушать меня! Ты, — он повернулся к водителю, — дуй что есть мочи к роддому, тут уже недалеко осталось. Да гляди на дорогу, а не назад, а то, не ровен час, в аварию попадем! Не останавливаться и никого не выпускать, время дорого! Ничего, он нас потом обратно доставит! Ты, — сказал он парню, скорчившемуся на ступеньках, — кончай выть, жену вон до смерти перепугал! Вы все молчите, — это пассажирам, — а она пускай орет, если уж совсем плохо. Все!

Надежда поглядела на дядьку с уважением, остальные пассажиры притихли. Водитель понял, что ему ничего не остается, как подчиниться при-

казу. Маршрутка понеслась по проспекту. В салоне стало тихо, только девчонка вздрагивала и стонала. Вот снова ее перекосило, и тетка в берете сказала:

— Потерпи, милая, вон уже роддом виден, даст бог, все обойдется...

И сглазила. Не то водитель оглянулся на роженицу, не то просто был невнимателен от расстройства, не то не сумел вовремя затормозить... Точнее, не успела затормозить машина впереди, а их водитель тормознул резко и врезался машине в зад. Но не сильно, потому что удара почти не было, только пассажиры попадали на пол.

Маршрутка встала. Водитель матерился. Дядька на переднем сиденье совершенно не пострадал, даже не упал, поскольку сидел спиной к движению.

Он поднял несчастную роженицу, она была бледная и тяжело дышала.

— Девушка, ты как? — осведомился дядька. — Скажи что-нибудь...

Внезапно она обмякла в его руках и стала заваливаться на бок.

— Батюшки! — ахнул дядька. — Выносить ее нужно скорее!

Однако дверь от удара заклинило, сумели ее открыть только сантиметров на двадцать.

— Вылезай! — сказал дядька будущему папаше. — Ты худой, пролезешь. Беги в больницу, пускай сразу с носилками приходят. А мы пока тут дверь постараемся открыть.

Пассажиры с оханьем и стонами рассаживались

по сиденьям. Кажется, никто не пострадал, если не считать синяков и ссадин.

Надежда огляделась по сторонам. Сама она отделалась легким испугом, даже куртку не запачкала. Над потерявшей сознание роженицей хлопотала тетка в желтом берете. Остальные пассажиры пытались своими силами открыть дверь. Водитель опомнился и выскочил наружу, чтобы помочь. И в это время Надежда заметила, что ее соседу явно плохо. Сосед этот, сидящий у окна, до этого никак себя не проявлял — не вмешивался в скандал, даже не пытался вытянуть шею, чтобы разглядеть роженицу. Он отвернулся к окну и сидел тихо, как мышка, прижимая к себе портфель.

Сейчас Надежда отметила нездоровую бледность, испарину на лбу и встревожилась. Мужчина полулежал на сиденье в неестественной, расслабленной позе, кажется, он был в обмороке. Глаз не было видно из-под очков с тонированными стеклами, тогда Надежда аккуратно сняла очки. Так и есть, глаза у мужчины были закрыты.

— Эй! — тихонько сказала Надежда Николаевна и потрогала мужчину за плечо. — Очнитесь!

Тот никак не отреагировал. Надежда испугалась и попыталась прослушать пульс. То ли она действовала неумело, то ли пульс и вправду был очень слабый, но Надежда вообще ничего не услышала. Кажется, в таких случаях подносят к губам больного маленькое зеркальце... Надежда сунула руку в сумку. То есть хотела это сделать, но сумки на месте не оказалось. На-

шла ее Надежда на полу, кто-то в суматохе наступил на нее. Внутри все мелочи были в самом плачевном виде, а пудреница раскололась на мелкие кусочки. Надежда расстроилась: уж лучше бы это был тюбик помады, цвет ей все равно не нравился, а вот пудра как раз была дорогая, французская... Но она тут же призвала себя к порядку — нашла о чем печалиться, хорошо, что все живы, могло быть гораздо хуже.

С зеркалом ничего не вышло, тогда Надежда весьма ощутимо хлопнула потерявшего сознание мужчину по щеке. Тот мотнул головой, Надежда хлопнула по второй, и пострадавший открыл глаза.

— Что у вас болит? — склонилась к нему Надежда. — Сейчас врачи подойдут, помощь окажут...

— Послушайте... — он поморщился, оттого, что пытался крутить головой, — вы должны выполнить мою просьбу...

«Бредит! — поняла Надежда. — Видно, здорово его зацепило».

Мужчина поднял руку и потрогал голову, потом застонал, рука его бессильно упала. Надежда оглянулась по сторонам и заметила со стороны мужчины между окнами железное крепление. При большом невезении мужчина вполне мог об эту штуку удариться головой.

«Сотрясение мозга, наверное, — сочувственно подумала Надежда, — от него часто бред бывает...»

— Мне больше не к кому обратиться, — прошелестел мужчина, — я сейчас снова потеряю сознание.

Вы должны мне помочь... это очень важно... я вижу, что вы порядочный человек...

— Вы только не волнуйтесь и не тратьте зря силы, — посоветовала Надежда, — сейчас санитары подойдут, вам помощь окажут..

— Да подождите вы! — Мужчина попытался повысить голос, но из горла его смог вырваться только шепот. — Пока я в полном сознании и не брежу. Я вас прошу, вы должны передать этот чемодан по указанному адресу.

Тут Надежда обратила наконец внимание на чемодан. Скорее это был не чемодан, а кейс — из дорогой тисненой кожи вишневого цвета.

— Это нужно сделать как можно скорее, это вопрос жизни и смерти! — выдохнул мужчина. — Запоминайте адрес: улица комиссара Фиолетова, дом семнадцать, квартира шесть. Спросить Катю. И сказать ей пароль: Конотоп. Запомнили, Конотоп!

«Точно, он голову ушиб! — в испуге подумала Надежда. — Какая Катя? Какой Конотоп?»

— Обещайте мне, что сделаете все! — Мужчина с неожиданной силой схватил Надежду за руку. — Это очень важно!

Надежда отвлеклась на минутку и заметила, что к автобусу подбегают санитары с носилками наперевес, за ними поспешает женщина в белом халате и еще двое с носилками. Дверь удалось открыть, и теперь роженицу осторожно передавали санитарам. Ее муж суетился и всем мешал.

— Тут еще человек ранен! — крикнула Надежда и попыталась выдернуть свою руку из руки больного.

Но тот не отпуская и глядел умоляюще. Надежда оглянулась. Маршрутка ехала к родному и остановилась неподалеку. Однако чуть подальше была и больница, надо думать, туда и отвезут пострадавшего. Больница эта, номер сорок семь, пользовалась в народе не слишком хорошей славой. Надежда знала, что туда привозят всех по «Скорой», а это контингент всякий. Может и приличный человек туда попасть в результате аварии или если машина на улице собьет, а в основном в сорок седьмую больницу попадают сомнительные личности, которые не поделили, к примеру, бутылку водки и получили этой самой бутылкой по голове в результате спора. Соответственно и низший обслуживающий персонал в больнице оставляет желать лучшего. Про врачей и сестричек Надежда плохого не скажет, не дай бог такую работенку, а вот нянечки и санитары вполне могут быть нечисты на руку. Кейс же из дорогой натуральной кожи и сам по себе выглядит соблазнительно, невзирая на его содержимое. Но больной больше всего беспокоится о содержимом портфеля, стало быть, оно очень ценное, и нельзя оставлять портфель на произвол судьбы. Улица комиссара Фиолетова тут недалеко, можно пешком дойти или на автобусе две остановки, так что Надежда вполне может успеть туда заскочить. И сделает таким образом доброе дело, а то человек вон как переживает.

— Не волнуйтесь. — Надежда низко склонилась

к мужчине и тихо сказала ему прямо в ухо: — Я все сделаю. Улица Фиолетова, дом семнадцать, квартира шесть, спросить Катю.

— Конотоп... — прошептал мужчина.

— Ну да, Конотоп, — согласилась Надежда.

— Кто вы? — спросил мужчина, чувствовалось, что ему очень плохо и разговоры даются с трудом. — Запишите мне ваши координаты...

Надежда уверилась, что мужчина не бредит, раз уж он сообразил, что нужно спросить у женщины, которой доверяешь ценную вещь, как ее зовут и где она живет. Она записала на листочке свое имя и телефон, и тут как раз подъехала машина «Скорой помощи», вызванная из сорок седьмой больницы, и потерявшего сознание пострадавшего увезли. Глядя вслед машине, Надежда спохватилась, что она так и не успела спросить его фамилию.

Уже появились возле маршрутки две машины — полиция и ГИБДД, водители давали объяснения, а дядька с переднего сиденья обстоятельно рассказывал полиции, как все случилось. Ему вторила тетка в желтом вязаном берете. Остальные пассажиры с тоской поглядывали по сторонам, им хотелось поскорее закончить неприятную процедуру и пойти по своим делам.

Надежда вылезла из маршрутки последней. На нее никто не смотрел, она осторожно сделала шаг в сторону, укрылась за автобусной остановкой, перебежала дорогу, нырнула в проход между домами и

пошла спокойно, уверившись, что никто и не думает ее останавливать.

Прежде всего нужно было подумать о собственных делах. Надежда не просто так каталась в маршрутке, она ехала по делу. Неподалеку от больницы располагалось ателье ортопедической обуви, и Надеждина тетка давно уже заказала там себе ботинки. Сама она порывалась за ними приехать вот уже месяц, но поскольку была женщиной пожилой и нездоровой, то Надежде совесть не позволяла отпустить ее через весь город одну. И тогда получалось, что сначала нужно ехать к тетке и брать ее на буксир, а потом вместе тащиться за ботинками, после чего влочь тетку с ботинками назад. Тетка была ужасно упряма и ни за что не позволила бы Надежде тормознуть частника — это, мол, лишняя трата денег. Не согласилась бы она и на то, чтобы Надеждин муж Сан Саныч в субботу отвез ее в ателье на машине. Он-де много работает, говорила она, и в выходные дни должен отдыхать, а не развозить старух по их делам. Надежда не могла не согласиться с такой постановкой вопроса, а тетка тут же добавляла, что если Надежда занята, то она сама все сделает, то есть прибегала к самому обычному шантажу. В общем, Надежда все откладывала поход за чертовыми ботинками, но наконец сдалась. И вот сейчас она шла между домами к тому самому ортопедическому ателье.

Ботинки выдали по квитанции сразу же, но они оказались ужасно громоздкими, Надежда с сомнением покачала головой, думая, что тетке они не

понравятся. Теперь вплотную встал вопрос о наличии третьей руки, поскольку в одной руке никак не удержать было кейс и коробку с ботинками. Еще у Надежды имелась своя собственная сумка, довольно объемистая. Вешать ее на плечо — нашли дурочку, этак запросто упрут. Не далее как вчера видела она на улице, как какой-то паршивец на роликах сдернул у девчонки с плеча сумочку, на ходу распотрошил, вытащил кошелек и мобильный телефон, а сумку бросил через двадцать метров в лужу. Так что, выйдя из ателье, Надежда тотчас же купила в ларьке белый непрозрачный пакет с надписью «Севзапмолоко». Пакет привлек ее своими размерами, туда запросто можно было упихать средних размеров слона. Вошли туда и кейс, и коробка с ботинками. Надежда приободрилась и зашагала к нужному дому на улице Фиолетова пешком, потому что автобусов не было, а на маршрутках она сегодня наездила на всю оставшуюся жизнь.

Дом номер семнадцать по улице Фиолетова оказался самым обычным, сталинским. Когда-то считался он неплохим, но сейчас, судя по облупившейся штукатурке и едва не отваливающимся балконам, был не на хорошем счету. Дом был угловой, фасадом он выходил на улицу Фиолетова, а торцом — в переулок. Имелся у дома двор, отгороженный от улицы чугунной решеткой. Ворота однако были распахнуты настежь, и судя по насквозь проржавевшим петлям, очень давно не запирались.

Надежда Николаевна оглядела двор.

Двор как двор, посредине — чахлый скверик, кусты, еще не подающие признаков жизни, деревянная горка, детская песочница, полная мусора, окурков, мятых банок из-под пива. Обычные весенние радости. Возле подъездов припарковано несколько машин. Одна — темно-зеленая, с тонированными стеклами стоит наособицу. Поблизости — скамейка, на ней жмутся старухи. Холодно, но общаться хочется, вот и не расходятся по домам.

Надежда ничего спрашивать не стала, проскользнула мимо них тихонько и самостоятельно прочитала номера квартир на табличке возле подъезда.

Ей повезло, нужная квартира попалась сразу, да еще и шла первым номером — то есть располагалась на первом этаже, так что не придется взбираться по лестнице. Можно считать, повезло.

Однако на этом везение закончилось.

Надежда вошла в подъезд, но не успела пройти короткий лестничный марш, который вел к площадке первого этажа, как дверь ближней квартиры резко распахнулась, и из нее выскочила молодая женщина. Женщина была какая-то встрепанная, вид был такой, будто за ней кто-то гонится. Скромное драповое пальто распахнуто, но не оттого, что женщине жарко, а просто не успела застегнуться. Шелковый платочек зацепился за пуговицу и летел сзади. Женщина прижимала к груди сумочку, как будто в ней было самое ценное, что у нее есть, и глядела перед собой расширенными глазами.

Надежда прочитала на двери номер квартиры — тот самый, шестой, который ей был нужен, — и бросилась навстречу взволнованной незнакомке.

— Вы отсюда? — задала она глупый вопрос.

Женщина посмотрела на Надежду диким взглядом и неуверенно кивнула — как будто сама не знала, отсюда ли она. Опасливо покосившись на Надежду, отвернулась и торопливо закрыла дверь квартиры.

— Конотоп, — вполголоса проговорила Надежда, понимая, что выглядит полной идиоткой.

— Что? — переспросила незнакомка, еще больше округлив свои безумные глаза, и попыталась пройти мимо Надежды.

— Конотоп, — повторила Надежда, упорствуя в своем идиотизме и стараясь в то же время сохранить уверенный и независимый вид. При этом она невольно преграждала молодой женщине дорогу к выходу. Та смотрела отстраненно, как будто не слышала, а если слышала, то не понимала.

— Вы Катя? — задала наконец Надежда вполне естественный вопрос.

Женщина помотала головой, протиснулась мимо нее и припустила вниз.

— А Катя дома? — крикнула Надежда вслед, но не получила ответа.

Дверь подъезда с грохотом захлопнулась.

Надежда Николаевна пожала плечами, повернулась к двери и нажала на кнопку звонка. Трель громко раскатилась за дверью, но никакого ответного движения не произошло. Надежда позвонила еще

несколько раз — резко, требовательно, — и снова никакого результата.

— Черт знает что! — сказала Надежда и поглядела на дверь, рассчитывая на ответную реакцию.

Но дверь держалась индифферентно, то есть делала вид, что она уж точно тут ни при чем. Надежда задумалась. Имеет ли смысл расспросить старушек на скамеечке на предмет местонахождения неизвестной Кати? По всему выходило, что не имеет, поскольку старухи чрезвычайно любопытны, привяжутся с расспросами, и Надежда, сама того не желая, может разболтать им лишнее. Что-то подсказывало ей, что раненый мужчина, пославший ее отнести чемодан Кате, был бы не слишком доволен, если бы об этом узнали посторонние люди.

Надежда тяжело вздохнула и направилась к выходу. В конце концов, она сделала все, что могла для этого странного человека из маршрутки, и не ее вина, что никого не оказалось дома.

Спускаясь по ступенькам, она увидела на полу какую-то маленькую книжечку. Нагнулась, подняла. В ее руке было удостоверение в голубой дерматиновой корочке, точнее пропуск. Раскрыв его, Надежда увидела фотографию, несомненно, той самой женщины, с которой только что столкнулась в дверях. Только на этой фотографии незнакомка была еще моложе, и у нее было совсем другое выражение лица — выражение радостного ожидания и предчувствия чего-то хорошего и удивительного, казалось,

что эта девушка верит, что сейчас вылетит та самая птичка, которую обещают детям старые фотографии.

А сейчас, точнее минуту назад, девушка явно ничего хорошего от жизни не ждала. Надежда отчетливо поняла, что на лице ее был страх. Дикий, безумный страх... именно страх так округлил глаза незнакомки. Впрочем, уже не совсем незнакомки — Надежда Николаевна прочла в пропуске, что девушку зовут Верой Алексеевной Зайцевой и она является сотрудницей музея И. И. Панаева. Кто такой Панаев, Надежда помнила весьма смутно — кажется, был такой русский писатель, друг и соратник Некрасова, у которого Некрасов по дружбе увел жену.

Надежда Николаевна поэта Некрасова не любила. Вот не лежала у нее душа к его стихам, не нравились они ей. Все эти причитания по поводу русской долюшки женской и про крестьян, которые пошли, солнцем палимы, казались ей фальшивыми, а сами стихи совершенно неинтересными.

Тут, кстати, вспомнился ей один случай, который произошел в их школе на экзамене по литературе много лет назад. В параллельном с Надеей классе учился некий Витька Самокатов. Известен по всей школе он был тем, что терпеть не мог литературу. Из печатного слова он признавал только зарубежную фантастику да еще братьев Стругацких, всех остальных писателей, включая Льва Толстого и Достоевского, называл занудами. Поскольку в физике и математике Витька соображал весьма прилично и собирался даже поступать в университет, то литера-